

НИКА МУР

НЕЗНАКОМКА.

Танец на грани миров.

Ника Мур

Незнакомка. Танец на грани миров

«Литнет»

2026

Мур Н.

Незнакомка. Танец на грани миров / Н. Мур — «Литнет», 2026

— Не уходи, — шепчет незнакомка, и мой мир рушится. Её голос. Её запах. Её маска. Год назад моя жена Лиля погибла в страшной аварии после нашей глупой ссоры. Триста шестьдесят пять дней я живу в персональном аду, сгорая от чувства вины. Я похоронил себя в пустой квартире, пока лучший друг силком не вытащил меня на новогодний бал-маскарад. И там я встретил её. Девушку в точно такой же маске, из-за которой мы поссорились в ту роковую ночь. Её прикосновение обжигает даже сквозь январский мороз, а за её молчанием скрывается тайна, которая сводит меня с ума. Кто она? Жестокая чья-то шутка? Иллюзия моего сломленного рассудка? Или чудо, которое дается лишь раз, чтобы получить прощение? «Я застряла между мирами, потому что его отчаяние не дает мне уйти. У меня осталась всего одна попытка и всего один танец на заснеженной площади, чтобы заставить его жить дальше. Даже если после этого я исчезну навсегда...» В тексте есть: ♥# сломленный, но сильный герой, который учится жить заново; ♥# тайны прошлого и легкая мистика (атмосфера зимнего чуда); ♥# пронзительные эмоции, от которых щемит сердце (готовьте платочки!); ♥# настоящая любовь, способная преодолеть границу между мирами; ♥# обязательный и очень светлый Хэппи-Энд!

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1(Артём)	5
Глава 2(Макс)	8
Глава 3(Артём)	11
Глава 4(Артём)	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1(Артём)

Тень в толпе

(от лица Артема)

Незнакомка. В таинственной маске. Я как сейчас вижу её перед глазами. Загадочную, пленящую, зовущую в неизвестность. Как морок, как наваждение. Как лихорадочный, липкий сон, от которого невозможно проснуться, сколько бы ледяной воды ты ни выплеснул себе в лицо. Как болезнь, пожирающая изнутри.

Почему она не выходит у меня из головы?

Я сижу в пустом офисе. На часах половина девятого вечера. За окном — глухая январская темень, сквозь которую безжалостно сеет мелкий, колючий снег, оседая на карнизах. Первые рабочие дни после затяжных новогодних праздников всегда казались мне похожими на коллективное похмелье: люди бродят по коридорам как тени, пьют литры дрянного кофе из автомата и пытаются вспомнить, как функционирует реальный мир.

Но для меня реальный мир закончился ровно год назад. Двадцать восьмого декабря.

Монитор передо мной светится мертвенно-бледным светом, высвечивая ровные ряды цифр в квартальном отчете, но я не вижу ни одной формулы. Цифры расплываются, сливаются в бессмысленные серые полосы, а стоит мне на секунду прикрыть воспаленные от бессонницы глаза, как из темноты выплывает она.

Переливы черного бархата. Тонкий, замысловатый узор из серебристого бисера. И перья — длинные, хищные, слегка подрагивающие в такт невидимому дыханию.

Я с силой тру лицо ладонями, вдавливая пальцы в виски до боли, в надежде вытеснить этот образ. Глупо. Не помогает. Обычный новогодний бал-маскарад, тридцать первое декабря. Ночь, когда весь мир сходит с ума от фальшивой радости, взрывает петарды и верит в чудеса, которых не существует.

Я не собирался туда идти. Господи, меньше всего на свете я хотел оказаться в толпе веселящихся людей в карнавальных костюмах, когда внутри меня зияла черная, выжженная дыра размером с целую вселенную. Три дня до этого, начиная с проклятого двадцать восьмого числа — первой годовщины гибели Лили, — я вообще не выходил из квартиры. Я не отвечал на звонки, не открывал шторы. Я просто сидел на полу в гостиной, привалившись спиной к холодной батарее, пил обжигающий горло виски прямо из горла и смотрел на дверь прихожей. Ту самую дверь, которой она хлопнула перед тем, как уйти навсегда.

Если бы не Макс, я бы, наверное, так и сдох там, в этой темноте, захлебнувшись собственной виной.

Макс — мой лучший друг. Человек, чье упрямство может пробивать бетонные стены. Он не стал церемониться: просто приехал тридцать первого числа вечером, открыл дверь своим ключом (который я дал ему когда-то на случай, если мы с Лилей уедем в отпуск и нужно будет кормить кота) и вытащил меня за шкирку из моего персонального склепа.

Я до сих пор помню, как он стоял надо мной — высокий, широкоплечий, в распахнутом зимнем пальто, с которого на наш паркет капал растаявший снег. В его глазах не было жалости. Жалость меня убивала. В его глазах была злая, отчаянная решимость.

— Вставай, Тёма, — жестко сказал он тогда, вырывая у меня из рук полупустую бутылку. — Вставай, умывайся и брейся. Ты воняешь, как труп. И выглядишь так же.
 — Пошел к черту, Макс, — прохрипел я. Голос сел от долгого молчания и алкоголя. — Оставь меня в покое. Мне нечего там делать.
 — Я сказал, вставай! — он рывком поднял меня на ноги, так что я едва не потерял равновесие. — Ты думаешь, ей бы понравилось то, во что ты превратился? Ты думаешь, Лили хотела бы, чтобы ты сгнил заживо в этой берлоге?!

Его слова ударили наотмашь. Я дернулся, готовый ударить его в ответ за то, что он смеет произносить ее имя здесь, сейчас, но сил не было. Я просто обмяк.

Макс приволок костюм. Он знал, что я ненавижу всю эту новогоднюю мишуру, поэтому не стал тащить мне нелепые наряды пиратов или картонные доспехи. Он бросил на диван тяжелый, дорогой плащ из плотного темного сукна, поглощающего свет, и полумаску. Венецианскую, строгую, стилизованную под ворона — с длинным, чуть изогнутым клювом и матовой черной поверхностью.

— Наденешь это, — безапелляционно заявил он. — Скроешь свою кислую физиономию. Тебе даже не придется ни с кем разговаривать, клянусь. Просто постоишь со мной у бара. Выпьешь нормального льда с виски, подышишь другим воздухом. Если через час захочешь уйти — я сам вызову тебе такси. Но этот Новый год ты не встретишь на полу, глядя в одну точку.

Я сдался. У меня просто не осталось энергии сопротивляться его живой, пульсирующей силе.

И вот я оказался там.

Огромный арендованный лофт в центре города. Под потолком клубился искусственный дым, прорезаемый фиолетовыми и красными лучами лазеров. Музыка била по ушам тяжелыми басами, вибрация от которых отдавалась где-то в груди, мешая нормально дышать. В воздухе стояла удушливая смесь запахов: дорогой алкоголь, жженный сахар, чужой пот и сотни разных парфюмов, сливающихся в один тошнотворный сладковатый шлейф.

Люди вокруг казались мне гротескными монстрами. В своих масках, заливающиеся неестественно громким смехом, они извивались на танцполе, чокались бокалами, кричали друг другу что-то на ухо. Карнавал тщеславия и одиночества. Я чувствовал себя абсолютно чужеродным элементом. Призраком, случайно забредшим на праздник живых.

Я стоял в самом темном углу у барной стойки, вцепившись побелевшими пальцами в холодный стакан. Мой плащ тяжелыми складками спускался до пола, маска ворона плотно прилегала к лицу, защищая меня от этого мира лучше любой брони. Макс был где-то рядом, пытался шутить, заводил разговоры с какими-то девушками в костюмах лесных нимф, но для меня всё это происходило как сквозь толщу воды. Я смотрел на часы каждые две минуты, отсчитывая время до обещанного момента, когда смогу сбежать.

А потом музыка вдруг изменилась. Ритм замедлился, стал более тягучим, гипнотическим. Толпа на танцполе плавно перестроилась, рассыпаясь на пары. И в этот момент, в образовавшемся коридоре из чужих спин и блестящих тканей, я увидел её.

Она не танцевала. Она стояла неподвижно, как статуя, метрах в десяти от меня. В темно-синем платье, облегающем фигуру, и в маске.

Сердце пропустило удар, а затем забилося так отчаянно, что, казалось, сейчас сломает ребра.

Эта маска. Я узнал бы ее из миллиона. Я ненавидел ее всеми фибрами души. Черный бархат, серебристая россыпь бисера, складывающаяся в изящный морозный узор вокруг прорезей для глаз, и длинные, чуть изогнутые перья. Это была точная, стопроцентная копия той самой маски, из-за которой мы с Лилей поругались в тот проклятый вечер. Той самой маски, в которой моя жена кружилась перед зеркалом в прихожей, смеясь над моей беспочвенной ревностью и усталостью.

Мир вокруг меня перестал существовать. Звук отключился. Исчезли лазеры, исчезла толпа, исчез Макс. Осталась только эта фигура в темно-синем.

Она медленно повернула голову. Я не мог видеть ее глаз из-за теней, которые отбрасывала маска, но я кожей, спинным мозгом почувствовал, что она смотрит прямо на меня. Сквозь

толпу. Сквозь мою собственную маску ворона. Сквозь мою грудную клетку — прямо в искалеченную душу.

И она сделала шаг. Затем второй.

Она шла ко мне с пугающей грацией, скользя по полу так плавно, словно плыла над ним. Люди перед ней расступались, даже не замечая этого, словно она была бестелесным духом.

Меня парализовало. Инстинкт самосохранения орал благим матом, требуя развернуться и бежать, но ноги приросли к полу. Я не мог пошевелиться. В голове билась паническая мысль: "Это чья-то больная шутка? Макс? Нет, Макс никогда бы так не поступил. Совпадение? Таких совпадений не бывает в природе".

Она остановилась вплотную ко мне. Так близко, что я мог бы дотянуться и коснуться перьев на ее лице. Но я не смел поднять руку. Мое дыхание сбилось, превратившись в жалкие, прерывистые хрипы.

Она не сказала ни слова. Не протянула руку для знакомства. Она просто чуть склонила голову набок, рассматривая меня. От нее исходило странное, почти осязаемое тепло. Не человеческое тепло тела, разгоряченного танцем, а что-то другое. Глубокое. Тревожное.

Меня накрыла настоящая, полноценная паническая атака. Воздух в лофте внезапно закончился. Стены начали сужаться, грозя раздавить меня в лепешку. В ушах зазвенело.

Я с силой оттолкнулся от барной стойки, едва не сбив с ног какого-то парня в костюме Джокера. Стакан выпал из моих рук и со звоном разлетелся на десятки осколков, но я даже не обернулся. Я прорвался сквозь толпу, работая локтями, задыхаясь под черной маской ворона. Я бежал так, словно за мной гналась сама смерть.

Вырвавшись на улицу, в спасительный мороз, я сорвал с лица карнавальный пластик и упал коленями прямо в грязный снег, жадно хватая ртом ледяной воздух. Меня трясло крупной дрожью. Я сидел там, в подворотне, слушая приглушенные басы, доносящиеся из здания, и пытался убедить себя, что просто сошел с ума на почве горя. Галлюцинация. Стресс. Нервный срыв.

Но сейчас, сидя в пустом офисе спустя почти две недели, я понимаю всю правду.

Я откидываюсь на спинку офисного кресла. В кабинете стоит звенящая тишина.

Я бежал с маскарада не потому, что испугался маски. В конце концов, фабрики штампуют их тысячами, это могла быть просто похожая модель, купленная другой девушкой в том же магазине. Я бежал не от визуального сходства.

Я бежал от того, что ударило меня по оголенным нервам за секунду до панической атаки, когда незнакомка подошла ко мне вплотную.

Ее запах.

Когда она оказалась рядом, удушливое зловоние лофта — пот, алкоголь и дешевый дым — исчезло. Его перебил тонкий, едва уловимый, но абсолютно неповторимый шлейф. Горькая ваниль, сандаловое дерево и терпкая, замороженная вишня.

Это были личные духи Лили. Эксклюзивный селектив, который давно сняли с производства. Я сам привез ей этот флакон из командировки в Париж три года назад. Она берегла его, нанося лишь по особым случаям.

Тот флакон разбился в прихожей в вечер ее смерти. Когда Лили в гневе выбежала из квартиры, она случайно задела полку. Изящный стеклянный флакон упал на кафель, разлетевшись вдребезги. Когда я вернулся с опоздания из морга, моя пустая, мертвая квартира насквозь пропахла горькой ванилью и вишней. Я ползал по полу, собирая осколки в кровь стирая пальцы, и выл, задыхаясь от этого аромата.

Этих духов не могло быть на чужой девушке. Ни при каких обстоятельствах.

Незнакомка на балу пахла моей мертвой женой. И теперь я должен узнать, почему.

Глава 2(Макс)

Теория вероятности (от лица Макса)

Я никогда не верил в мистику, гороскопы, призраков и прочую эзотерическую чушь. Я — человек цифр, логики и жестких фактов. Если что-то выглядит как утка, плавает как утка и крякает как утка, то это, мать вашу, утка, а не посланник с того света.

Но то, что произошло на маскараде, не укладывалось даже в мою железобетонную картину мира.

Первое января встретило меня головной болью и настойчивым желанием кого-нибудь убить. Я стоял перед дверью квартиры Артёма и уже пять минут давил на кнопку звонка. Внутри было тихо, как в склепе.

— Тёма, открывай! — рявкнул я, пнув тяжелую металлическую дверь носком ботинка. — Я знаю, что ты там. У тебя свет в прихожей горит, я в глазок вижу.

Тишина.

Меня начало потряхивать. Не от холода — в подъезде было тепло, — а от липкого, мерзкого страха, который преследовал меня с прошлой ночи. Страх, что я опоздал. Что моя гениальная идея вытащить друга "в люди" стала последним гвоздем в крышку его гроба.

Вчерашний вечер прокручивался в голове рваными кадрами. Вот я вручаю ему маску ворона, надеясь, что этот пафосный кусок пластика скроет его потухшие глаза. Вот он стоит у барной стойки, вцепившись в стакан с виски, словно утопающий в обломок мачты. Я отвлекся буквально на минуту — какая-то девица в костюме Харли Квинн стрельнула у меня зажигалку.

А когда я обернулся, Артёма уже не было.

Я видел только, как он ломится сквозь толпу к выходу, сбивая людей, словно обезумевший ледокол. А за его спиной, в том месте, где он только что стоял, застыла фигура в темно-синем платье.

Я тогда не успел её рассмотреть. Вспышки стробоскопов, дым, мелькание тел. Мне показалось, что она была в маске. Но странное дело — вокруг неё образовалась какая-то пустота. Люди танцевали, толкались, но никто не задевал её, словно она была окружена невидимым силовым полем.

Я рванул за Артёмом, но пока расталкивал потных "супергероев" и "фей", он уже выскочил на улицу. Я нашел только брошенную в снег маску ворона.

И вот теперь я здесь. Долблюсь в его дверь и молюсь всем богам, в которых не верю, чтобы он не наделал глупостей.

— Тёма, если ты не откроешь через три секунды, я вызываю МЧС и мы спиливаем эту дверь к чертям собачьим! — заорал я в замочную скважину. — Раз... Два...

Замок щелкнул. Дверь медленно, со скрипом отворилась.

На пороге стоял Артём.

Выглядел он так, словно его пережевали и выплюнули. Свитер помят, под глазами залегли черные круги, щетина превратилась в неухоженную бороду. Но пугало не это. Пугал его взгляд. Обычно пустой и безжизненный, сегодня он горел каким-то нездоровым, лихорадочным огнем.

— Чего тебе? — хрипло спросил он, не делая попытки пропустить меня внутрь.

— "Чего мне"? — я оттолкнул его плечом и по-хозяйски вошел в квартиру. — Ты сбежал вчера, как подросток, укравший сигареты у отца. Трубку не берешь. Я думал, ты тут вены вскрыл.

В квартире пахло затхлостью, пылью и почему-то... вишней? Слабый, едва уловимый сладковатый запах перебивал даже перегар.

Артём закрыл дверь и прислонился к ней спиной, сползая вниз, пока не сел на корточки. Он обхватил голову руками.

— Макс, это была она, — прошептал он.

Я замер посреди коридора, не снимая куртку. Вот оно. Началось.

— Кто "она", Тём? — я старался говорить спокойно, как с буйным пациентом. — Харли Квинн? Снегурочка?

— Лилия.

Имя повисло в воздухе, тяжелое, как могильная плита. Я стиснул зубы. Год прошел. Год ада, в который он превратил свою жизнь, и я, как верный Санчо Панса, тащился рядом, пытаясь не дать ему сойти с ума. Но, похоже, я проигрывал эту битву.

— Тёма, послушай меня, — я присел перед ним, глядя ему в глаза. — Лили нет. Мы были на похоронах. Мы видели гроб. То, что ты видел вчера — это просто девушка в похожем платье. Галлюцинация. Эффект алкоголя на фоне стресса. Твой мозг играет с тобой.

— Нет! — он резко вскинул голову. В его глазах плескалось отчаяние пополам с надеждой. — Макс, ты не понимаешь. Маска! Это была та самая маска! Бисер, перья, узор... Один в один!

— Да эти маски штампуют в Китае миллионными тиражами! — взорвался я. — Зайди на любой маркетплейс, там таких тысячи!

— А запах? — его голос дрогнул, переходя на шепот. — От неё пахло её духами. Вишня и ваниль. Тем самым флаконом, который разбился.

Я шумно втянул носом воздух. В квартире действительно пахло чем-то похожим.

— Ты сам здесь все пропитал этим запахом, — жестко сказал я, поднимаясь. — У тебя этот "аромат" въелся в обои, в мебель, в твою одежду. Ты живешь в этом мавзолее год! Неудивительно, что тебе мерещится этот запах везде. Тёма, очнись!

Артём посмотрел на меня с такой тоской, что мне стало физически больно. Он встал, прошел на кухню, шатаясь, налил стакан воды и залпом выпил. Руки у него тряслись.

— Я не сошел с ума, Макс, — сказал он тихо, глядя в окно на серый январский двор. — Я знаю, что это звучит как бред. Но когда она подошла... Я почувствовал холод. Не такой, как на улице. А такой, словно... словно рядом открыли дверь в морозильную камеру.

Я промолчал. Потому что вспомнил тот момент на танцполе. Ту странную пустоту вокруг фигуры в синем. И холодный сквозняк, который я почувствовал, когда пробежал мимо того места, где она стояла.

"Стоп, — одернул я сам себя. — Не смей. Даже не начинай. Это коллективная истерия. Ты просто устал, ты волнуешься за друга, вот и накручиваешь".

— Ладно, — выдохнул я, стягивая шапку. — Допустим. Допустим, там была странная баба. Может, фанатка ролевых игр. Может, просто фрик. Но Лили там быть не могло. Мертвые не ходят по клубам, Тём.

— А если... — он запнулся. — Если она хочет мне что-то сказать?

— Она сказала бы тебе: "Хватит ныть и иди работать", — отрезал я, стараясь вернуть разговор в русло реальности. — Слушай. Я не буду читать тебе лекции. Но если ты продолжишь искать призраков, ты закончишь в комнате с мягкими стенами. И я не смогу тебя оттуда вытащить.

Я прошел в гостиную, огляделся. На столе — слой пыли. На полке — их совместная фотография в рамке, развернутая так, чтобы он видел её с дивана. Рядом — коробка с какими-то бумагами.

— Тебе надо поспать, — сказал я уже мягче. — Проспись. Поешь нормально. Я закажу тебе доставку еды. А завтра... завтра поговорим.

Артём кивнул, но я видел, что он меня не слушает. Его мысли были где-то далеко.

Я уходил от него с тяжелым сердцем. Когда я спускался по лестнице, мне казалось, что кто-то смотрит мне в спину. Я резко обернулся на площадке между этажами. Никого. Только тусклая лампочка мигает и сквозняк шевелит какой-то мусор на полу.

Выйдя на улицу, я достал сигареты. Руки дрожали, и я долго не мог высечь огонь из зажигалки.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал я, затягиваясь едким дымом.

Я не сказал Артёму одну вещь. Самую главную. То, что заставило меня сомневаться в собственной адекватности.

Когда я вчера бежал за ним и мельком взглянул на ту фигуру в синем... На секунду, всего на долю секунды, свет лазера упал на её маску. И я увидел глаза.

У Лили была гетерохромия. Один глаз зеленый, другой — с карим пятнышком у зрачка. Это было едва заметно, нужно было смотреть в упор.

В прорезях маски той незнакомки я, клянусь своей зарплатой, увидел именно это. Зелень и крошечное коричневое пятно.

Я выбросил недокуренную сигарету в урну и зло плюнул.

— Совпадение, — убеждал я себя вслух, садясь в машину. — Теория вероятности. Один шанс на миллион. Просто совпадение.

Но заводя мотор, я уже знал: я буду следить за Артёмом. Потому что если это не совпадение, то мы оба влипли во что-то такое, от чего не спасет ни логика, ни здравый смысл.

Глава 3(Артём)

Застывшее время

(от лица Артёма)

Щелчок дверного замка прозвучал в пустой квартире как выстрел. Макс ушел, оставив после себя шлейф дешевых сигарет, уличного холода и тяжелого, липкого сомнения.

Я стоял в прихожей, прислонившись спиной к двери, и слушал, как удаляются его шаги по лестнице. Четвертый этаж. Третий. Второй. Хлопнула тяжелая подъездная дверь, и дом снова погрузился в вату тишины.

Эта тишина была моим единственным сожителем последний год. Она не была спокойной. Она была хищной. Она забивалась в углы, скапливалась под потолком и ждала момента, чтобы навалиться на плечи, вдавливая меня в пол. Но сегодня к ней примешивалось что-то еще.

Запах.

Макс сказал, что квартира пропиталась им. Что я живу в мавзолее. Рациональное объяснение здорового человека. Но я знал правду. Я делал ремонт весной. Я сдирал обои, я менял ламинат, я вымывал каждый сантиметр этого чертова коридора с хлоркой, чтобы убить этот запах. Вишня и ваниль исчезли еще в мае.

Они вернулись вчера ночью. Вместе со мной. Вместе с воспоминанием о темно-синем платье и серебряных перьях.

Я оттолкнулся от двери и прошел вглубь квартиры. Ноги ступали тяжело, словно я шел по колено в болотной жиже. Гостиная встретила меня полумраком. Шторы были задернуты — я не открывал их давно. На журнальном столике стояла кружка с недопитым, покрывшимся радужной пленкой чаем. Рядом валялась упаковка таблеток от головной боли. Пустая.

Я упал на диван, не раздеваясь.

— Я не сумасшедший, — сказал я вслух. Мой голос прозвучал хрипло и чужеродно.

Макс прав в одном: нужно мыслить логически. Если отбросить мистику, что остается?

Вариант А: У меня едет крыша. Галлюцинации на фоне стресса, алкоголя и затяжной депрессии. Мозг подсовывает мне желаемое за действительное. Девушка на балу была просто девушкой, а маску мое подсознание "дорисовало", подогнав под шаблон памяти.

Вариант Б: Это была злая, чудовищная шутка. Кто-то знал. Кто-то знал про маску, про духи, про то, как именно выглядела Лиля в тот вечер. Но кто? Макс? Исключено. Он любил нас обоих. Коллеги? Им плевать.

Вариант В...

Я зажмурился. Вариант "В" пугал меня до дрожи в коленях, но именно к нему тянулась моя истерзанная душа.

Мне нужно доказательство. Вещественное доказательство.

Я резко сел. Сердце заколотилось где-то в горле. Маска. Та самая, настоящая. Где она?

После похорон я был в таком состоянии, что не помнил себя. Вещами занималась мама Лили. Я почти ничего не позволил ей увести или выкинуть. Мне казалось, что если убрать её вещи, я предам её память.

Я помню, как теща держала в руках ту самую венецианскую маску.
 — Игорёш... Артём, — она вечно путала имена, когда плакала. — Куда это?
 — Уберите, — прохрипел я тогда. — Куда угодно. Только чтобы я её не видел.

Я вскочил с дивана. Головокружение качнуло пол под ногами, но я устоял. Антресоли. Точно. В коридоре, над входом в кухню. Туда мы складывали новогодние игрушки, старые пледы и все то, что "жалко выбросить, но больно видеть".

Я вышел в коридор. Дверцы антресоли, покрашенные белой краской, сливались с потолком. Они выглядели как запечатанный вход в гробницу.

Мне нужен стул. Нет, лучше стремянка. Она должна быть на балконе.

Продираясь сквозь холод квартиры, я вышел на балкон. Мороз тут же лизнул лицо, пробираясь под свитер. Я разгреб завалы из каких-то старых коробок, банок с засохшей краской и вытащил небольшую алюминиевую лесенку.

Вернувшись в коридор, я установил стремянку. Металлические ножки неустойчиво качнулись на ламинате. Я сделал глубокий вдох. В нос снова ударил запах. Вишня. Теперь отчетливее. Словно кто-то только что прошел здесь, оставив за собой невидимый шлейф.

— Прекрати, — прошипел я себе под нос. — Там никого нет. Это просто нейроны в твоём мозгу замыкает.

Я поднялся на две ступени. Потянулся к ручкам дверец. Петли заскрежетали, сопротивляясь, когда я потянул створки на себя. Сверху на меня посыпалась серая труха. Я закашлялся, прикрывая глаза рукой.

Темный зев антресоли дыхнул на меня запахом старого картона и забытых вещей.

Я включил фонарик на телефоне и посветил внутрь. Луч выхватил из темноты нагромождение коробок. "Ёлочные игрушки", "Зимняя обувь", "Старые документы".

Где она?

Я начал вытаскивать коробки одну за другой, передавая их вниз, на пол. Руки дрожали, и пару раз я чуть не уронил тяжелый ящик с книгами. Пыль летала в свете фонаря, как микроскопические призраки.

Наконец, в самом дальнем углу, задвинутая за старый пылесос, обнаружилась небольшая, плоская коробка из-под обуви. На ней черным маркером, размашистым, летящим почерком Лили было написано: "Новый год. Всякая красота".

Меня словно током ударило. Я узнал этот почерк. Я помню, как она подписывала эту коробку два года назад, сидя на полу и напевая какую-то дурацкую песню из рекламы. Она тогда смеялась, испачкав нос в маркере.

Я медленно спустился со стремянки, прижимая коробку к груди. Она была легкой. Слишком легкой для того груза, который в ней хранился.

Я прошел в кухню, поставил находку на стол и включил верхний свет. Лампа мигнула и зажужжала, заливая пространство желтоватым, болезненным светом.

Мои пальцы замерли над крышкой.

Если маски там нет... Если коробка пуста... Это значит, что кто-то её взял. Или... или та девушка на балу была в настоящей маске. И тогда это либо воровство, либо безумие.

А если маска там?

Тогда кто, черт возьми, стоял передо мной вчера ночью?

Я рванул крышку вверх.

Внутри лежал слой серебристой мишуры. Она слежалась, потеряла блеск. Сверху лежал разбитый стеклянный шар — видимо, коробку когда-то уронили. Я аккуратно, стараясь не порезаться, разгреб шуршащий пластик.

Под слоем мишуры лежала она.

Черный бархат. Серебряный бисер, выложенный морозным узором вокруг глазниц. Длинные черные перья.

Она была здесь.

Я выдохнул, и этот звук был похож на стон раненого зверя. Она здесь. Она никуда не делась. Она лежала в этой коробке целый год, покрываясь пылью, пока я сходил с ума.

Дрожащими пальцами я достал маску. Бархат был жестким, неприятным на ощупь. От вещи пахло картоном и старой пылью. Никакой вишни. Никакой ванили. Только запах тлена и забытых на чердаке вещей.

Я поднес её к лицу, разглядывая детали. Я искал отличия. Я молился, чтобы найти хоть одно отличие от той, что я видел вчера. Может, узор чуть другой? Может, перья короче?

Но память — жестокий художник. Она подсовывала мне картинку вчерашнего вечера с фотографической точностью. Изгиб над бровью. Расположение крупных бусин у виска. Форма прорезей для глаз.

Это была абсолютная, идеальная копия. Или оригинал.

Но как?

Я положил маску на кухонный стол, прямо на клеенку. Она смотрела на меня пустыми глазами, как череп Йорика. Черный ворон, прилетевший по мою душу.

— Кто ты была? — спросил я у пустоты. — Кто ты была, если это — здесь?

В кухне стало холодно. Я посмотрел на окно — форточка была закрыта. Но по ногам явственно тянуло ледяным сквозняком.

Мой взгляд снова упал на коробку. Я машинально пошевелил мишуру. На самом дне, под ворохом блестящего мусора, что-то белело. Бумага.

Я достал сложенный вчетверо листок. Обычный лист из блокнота в клетку. Я развернул его.

Это был список покупок. Старый список, написанный рукой Лили.
"1. Шампанское (только брют!). 2. Мандарины (много). 3. Бенгальские огни. 4. Подарок для Тёмы (не забыть спрятать!!!)".

Четвертый пункт был жирно обведен и украшен смайликом.

Меня накрыло. Железный обруч, стягивающий грудь весь этот год, сжался до хруста ребер. Я вспомнил этот список. Я нашел его в кармане её пальто тогда, год назад. И я сам бросил его в эту коробку, потому что не мог видеть этот веселый смайлик, когда её тело лежало в море.

"Подарок для Тёмы".

Я так и не нашел его тогда. Я не искал. Мне было не до подарков. Я просто пил и выл в подушку.

Я перевел взгляд на маску. Она казалась зловещей в этом желтом свете. Перья слегка шевельнулись.

Нет, не показалось.

Они шевельнулись.

Я замер, боясь дышать. Воздух в кухне сгустился. Лампочка над головой снова мигнула — раз, другой — и тихонько затрещала.

Сквозняк усилился. Теперь он дул не по ногам, а прямо мне в лицо. Холодный, влажный воздух, пахнувший... снегом? Откуда в закрытой квартире запах свежего снега?

Я медленно поднялся со стула, пятясь к выходу из кухни. Мой взгляд был прикован к маске.

Она лежала неподвижно. Но ощущение чужого присутствия стало невыносимым. Словно кто-то стоял прямо у меня за спиной. Кто-то очень близкий. Кто-то, кто дышал мне в затылок, хотя мертвые не дышат.

— Лиля? — позвал я. Голос сорвался на петушиный крик.

В ответ — тишина. Только холодильник гудит, как трансформаторная будка.

Я развернулся и практически выбежал в коридор. Мне нужно умыться. Срочно. Ледяной водой. Привести мозги в порядок.

В ванной меня встретило мое отражение. Из зеркала на меня смотрел старик в теле тридцатилетнего парня. Серая кожа, ввалившиеся щеки, борода, в которой — я с ужасом заметил это впервые — пробивалась седина. Глаза красные, воспаленные, с лопнувшими сосудами.

Я открыл кран на полную мощность. Вода ударила в раковину, брызги полетели на рубашку. Я набрал полные ладони ледяной воды и плеснул себе в лицо. Один раз. Второй. Третий. Холод немного отрезвил.

Я вытерся полотенцем, глубоко дыша.

— Соberись, тряпка, — сказал я своему отражению. — Ты нашел маску. Она дома. Значит, вчера была просто копия. Просто. Копия.

Я опустил полотенце и снова посмотрел в зеркало.

И тут мое сердце остановилось.

В зеркале отражался коридор за моей спиной. Дверь в ванную была приоткрыта. Там, в полумраке коридора, на фоне стены, висела картина. Наш свадебный портрет. Мы с Лилей, счастливые, на берегу моря.

Картина висела ровно. Я знал это, потому что поправлял её каждое утро — это был мой ритуал.

Но сейчас, прямо на моих глазах, в отражении зеркала, картина медленно, словно под чьей-то невидимой рукой, накренилась влево.

Скрип крепления прозвучал в тишине квартиры как скрежет ножа по стеклу.

Я резко обернулся.

Картина действительно висела криво. Угол рамки царапал обои.

Я стоял в ванной, вцепившись мокрыми руками в раковину, и смотрел на перекошенный портрет. Сквозняка не было. Землетрясения не было. Я был один в квартире.

Или нет?

Запах вишни и ванили накатил волной, густой и плотной, перебивая запах зубной пасты и сырости. Он шел из кухни. Оттуда, где на столе лежала черная маска.

Я сделал шаг в коридор.

— Кто здесь? — спросил я пустоту.

И в ответ, из кухни, донесся тихий, едва слышный звук. Звук, от которого кровь застыла у меня в жилах.

Шуршание мишуры.

Словно кто-то аккуратно, невесомо коснулся содержимого коробки.

Я стоял посреди коридора, зажатый между ванной и кухней, и понимал: мой рациональный мир, мир цифр, отчетов и законов физики, только что треснул пополам. И из этой трещины на меня смотрела бездна.

Но я не убежал. Не в этот раз. Страх отступил перед безумной, самоубийственной надеждой.

Я медленно пошел на звук. На запах. Навстречу тому, что ждало меня на кухне.

Глава 4(Артём)

Истончение грани
 (от лица Артема)

Кухня встретила меня неподвижностью, от которой сводило скулы. Я замер в дверном проеме, вцепившись пальцами в косяк. Мой взгляд метался по крошечному пространству: стол, застеленный клеенкой в мелкую клетку, гудящий холодильник, темное окно, в котором отражался мой собственный перекошенный от напряжения силуэт.

И маска.

Она лежала там же, где я её оставил. Черный бархат, хищный изгиб клюва, серебряная россыпь бисера. Ничто не изменилось. Ни одна ворсинка не дрогнула.

Но я слышал шуршание. Я слышал его отчетливо, как слышу сейчас собственное рваное дыхание. Звук был сухим, ломким — так шуршит старая новогодняя мишура, когда её тревожат пальцы. Или сквозняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.